

УДК 94(73)"14/1918"

С.А. Агуреев

Вопрос о вступлении США в Первую мировую войну и Антанта

Статья посвящена аспектам дипломатического маневрирования правительств Англии и Франции в 1916 году по вопросам вступления США в Первую мировую войну. Позиция американских политических кругов во многом зависела от изменения ситуации на фронтах. События 1916 года стали решающими при определении позиции США о вступлении в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Ключевые слова: дипломатия; Первая мировая война; мирная конференция; нейтралитет.

Вопрос об участии США в Первой мировой войне на стороне Антанты стал одним из определяющих в 1916 году наряду с военными сводками, приходившими с фронтов, так как вступление Соединенных Штатов в войну против Германии было способно окончательно изменить баланс сил воюющих стран и дать серьезное военное и экономическое преимущество союзникам. Этот вопрос приобрел к 1916 году большое стратегическое значение для политического руководства стран Антанты, нуждавшегося в кредитах и военных поставках, стратегическом сырье и промышленных товарах, поэтому политические круги Великобритании и Франции активно проводили не только дипломатический зондаж относительно возможности вступления США в войну, но и оказывали влияние на американское общественное мнение, стремясь представить руководство Германии и ее союзников как главную угрозу свободе и демократии. Эти попытки находили поддержку у части проанглийски настроенной общественности США, однако до 1916 года идея вступления в Первую мировую войну была крайне непопулярной в американском обществе.

Противоборство в Европе не затрагивало непосредственно американских интересов, а изоляционистские настроения были чрезвычайно сильны; усиление же какой-либо отдельной группы стран в Европе также не входило в американские интересы, так как способствовало бы возникновению гегемонии в чрезвычайно важной для США части мира. Таким образом, до 1916 года американскому правительству рекомендовалось сохранять нейтралитет и широко использовать экономические возможности для усиления американской мощи [7: с. 45]. Эта позиция американского президента В. Вильсона и его политического советника и «отца американской дипломатии» полковника Э. Хауза сохранялась вплоть до весны 1916 года, когда после гибели «Лузитании»

(4 мая 1915 года) и потопления немецкими подводными лодками «Сассекса» (24 марта 1916 года) общественное мнение в США было настроено против Германии. Другим немаловажным обстоятельством выхода США из традиционной политики изоляционизма стало стремление американского руководства контролировать мировые политические процессы, а не просто участвовать в них, что породило уже к лету 1915 года идею о создании после войны международной организации с целью сокращения вооружений и выработки новых принципов международных отношений. Однако участие в создании такой организации было возможно лишь при условии, если США вошли бы в лагерь победителей и могли бы диктовать условия побежденным. Неслучайно, когда США вступили в войну в апреле 1917 года, полковник Э. Хауз отмечал в своем письме В. Вильсону: «Когда война окончится, мы сможем принудить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они... будут в финансовом отношении у нас в руках» [10: с. 100]. И действительно, в первом десятилетии XX века США были связаны тесными экономическими и торговыми узами с великими европейскими державами и являлись главными поставщиками готовой продукции и кредиторами России, Англии и Франции. Вступление стран Антанты в Первую мировую войну еще более упрочило эти связи. Так, уже 30 октября 1914 года «Нэшнл Сити Банк» заключил соглашение с французским правительством о предоставлении последнему крупного кредита на военные нужды, а последовавшая за этим целая серия соглашений со странами Антанты довела объем американских кредитов до огромной суммы в 2 млрд долларов [7: с. 43].

Однако выбор американской администрации зависел не только от экономической заинтересованности в развитии торговых и банковских отношений со странами Антанты. Как убедительно показал в своем исследовании известный российский американист А.И. Уткин, амбиции германской внешней политики несли несомненную угрозу американским интересам в зоне Карибского бассейна и на Тихом океане, проникновение в которые весьма активно велось немецкими правящими и финансовыми кругами [7: с. 13]. В то же время британская дипломатия признала главенство США в Новом Свете, что снимало вопрос о соперничестве. Даже активно применявшаяся английской стороной морская блокада побережий и стремление помешать торговле нейтральных держав с Германией, хотя и заметно осложнило развитие англо-американских отношений, тем не менее не стало фатальным и непреодолимым условием для возможности будущего союза. Противоречия между США и Германией были объективно обусловлены и опасением американской стороны, что с победой Германии в Европе появится новый гегемон, это не соответствовало американским интересам. Что же явилось определяющими факторами вступления США в Первую мировую войну?

Вырабатывая внешнеполитическую стратегию, В. Вильсон исходил из того, что американским политическим интересам не соответствует усиление какой-либо европейской державы или группы стран и одновременно была невыгодна как победа Германии, так и победа стран Антанты, что привело бы

лишь к усилению Франции и России. Таким образом, следовало по возможности ослаблять обе группировки, стараясь играть на их противоречиях и выступать в роли третьей стороны. «Американскому правительству, — указывает Н.А. Нарочницкая, — рекомендовалось, сохраняя нейтралитет, открыто не поддерживать ни одну из воюющих сторон и вместе с тем использовать любые возможности для усиления экономической и военно-политической мощи Америки» [5: с. 220].

Английский политический деятель Дэвид Ллойд Джордж в своих военных мемуарах удивительно точно оценил позицию американского нейтралитета: «Америка могла быть вынуждена к войне только в том случае, если бы участие в ней лучше, чем нейтралитет, могло сохранить ее интересы» [6: с. 443]. Однако следует отметить, что эта позиция формировалась последовательно и не в последнюю очередь под влиянием английских и французских дипломатов, объективно стремившихся склонить США к вступлению в войну на стороне Антанты. Еще в 1915 году по этому вопросу шли активные консультации обеих сторон, но политическое руководство США неизменно выступало с идеями мирного посредничества между воюющими державами, что являлось традиционной американской политикой, начиная с Русско-японской войны 1904–1905 годов, где именно посредническая роль Америки сыграла крайне важную роль в послевоенном урегулировании.

Целям обеспечения американских геополитических интересов служила и миссия в Европе полковника Хауза в 1915 году, которая преследовала несколько целей: 1) созыв мирной конференции при участии США; 2) установление свободы морей; 3) обеспечение отказа Германии от аннексированных территорий благодаря компенсациям вне Европы в Малой Азии и Африке за счет стран Антанты; 4) восстановление целостности Бельгии. Впрочем, эта миссия во многом была обречена из-за непримиримой позиции как по морской блокаде, так и по компенсациям Германии за счет союзников. Позже, оценивая предложения американской стороны, премьер-министр Великобритании сэр Эдвард Грей указывал, что «американские условия... союзники не могли рассматривать как условия победы» [9: с. 130]. При этом отказ Германии от участия в конференции вел к вступлению США в войну на стороне союзников.

В советской историографии это условие было истолковано как стремление США сорвать ими же намеченную мирную конференцию и тем самым создать повод для своего вступления в войну против Германии ввиду невозможности последней согласиться с предложенными ей условиями. Так, советский историк З.М. Гершов отмечал: «<...> условия мира, которые США намеревались предложить Германии, предполагали неизбежный срыв конференции... План Хауза–Вильсона представлял собой не что иное, как маскировку империалистической политики США. За фразами о мирной конференции скрывалось стремление США вступить в войну против Германии» [3: с. 119–120].

Представляется, что данная точка зрения верна лишь отчасти. Ведь смысл дипломатической миссии Э. Хауза как раз и состоял в том, чтобы Америка, не вступая в войну, сумела отстоять свои интересы. Позиция же британской стороны была вполне однозначной — добиться вступления США в войну без соблюдения каких-либо предварительных условий, на что администрация В. Вильсона не могла пойти. В то же время британские политики и дипломаты считали американские условия непомерными и исходили из собственного представления о том, что еще сохраняется возможность нанести Германии поражение собственными силами, что в конечном итоге предопределило дипломатический провал миссии Э. Хауза. Колебания британских политиков объяснялись и неприятием американской идеи баланса сил в Европе, что исключало возможность полного военного поражения Германии. Известные колебания были характерны и для американской стороны. Так, 9 мая 1915 года полковник Э. Хауз телеграфировал президенту США В. Вильсону после потопления «Лузитании»: «<...> Америка подошла к распутью... Мы больше не можем оставаться нейтральными наблюдателями. От наших действий при настоящем кризисе будет зависеть, какую роль мы будем играть при заключении мира и насколько мы сможем повлиять на то, чтобы благо человечества было обеспечено на долгие времена» [1: с. 193].

События 1916 года развивались по совершенно другому сценарию. 14 февраля 1916 года в Лондоне состоялось совещание с участием министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, Г. Асквита, А. Бальфура и Д. Ллойд Джорджа. Американскую сторону представлял полковник Э. Хауз. Сторонами был достигнут целый ряд договоренностей относительно будущего Турции и послевоенных границ с учетом интересов стран Антанты. Была определена и окончательная позиция американской стороны, что если Германия откажется от мирного посредничества США, последняя объявит ей войну и выступит на стороне Антанты. Это условие было озвучено ввиду последних успехов Германии на фронтах в кампании 1915 года. На последнем условии настаивала и французская сторона, крайне нуждавшаяся в американской поддержке, понесшая ощутимые военные потери и утратившая значительную часть своей военной инфраструктуры.

Смена правительственного курса США вызвала ощутимую борьбу внутри правительства и конгресса, однако американское общественное мнение подогревалось сообщениями о зверствах немцев и их союзников, известиями о потоплении мирных судов. Наиболее точное определение этой позиции правящих кругов США дает известнейший отечественный американист А.И. Уткин: «Это был период перехода от провинциализма и попытка мирового самоутверждения. Американский империализм нуждался в ослаблении европейской системы, и мировая война дала такую возможность. При президенте В. Вильсоне дипломатия США вторглась в европейский конфликт на его решающей стадии и попыталась возглавить одерживающую победу коалицию» [7: с. 7].

Становилось вполне очевидно, что выжидательная тактика американского правительства способна нанести авторитету США и позициям в мире серьезный урон. К тому же германская сторона искала любые возможности для раскола Антанты путем ведения сепаратных переговоров союзниками, относительно чего предпринимался дипломатический зондаж.

В то же время германская политическая элита, отвергавшая любые попытки мирного урегулирования, дала американским политикам своеобразный карт-бланш для вступления в войну на стороне Антанты. В этом смысле нельзя не согласиться с российским историком В.К. Шацилло, отмечавшим, что «близорукая политика правящих кругов Германии существенно усилила в США позиции тех, кто видел в победе Германии серьезную угрозу интересам своей страны» [8: с. 68].

Постепенно изменился и тон посланий полковника Э. Хауза американскому президенту: «<...> Мы единственная оставшаяся на земле страна, — указывал американский дипломат в своем письме от 9 февраля 1916 года, — достаточно сильная, чтобы спасти союзников, и раз мы вступим в войну, она со всеми ее ужасными последствиями, должна будет прийти к концу... я не поколебался заявить об этом английскому и французскому правительствам» [1: с. 125]. Таким образом, уже зимой 1916 года вопрос о вступлении США в войну на стороне Антанты был решен.

По-прежнему актуальным остается вопрос об истинном вкладе США в разгром Германии, который многие отечественные и зарубежные историки считают весьма переоцененным, указывая при этом как на относительно недолгое участие страны в Первой мировой войне (апрель 1917 – ноябрь 1918 годов), так и на ограниченность американских войск в Европе. Однако в англо-американской историографии большое распространение получил подход, согласно которому именно вступление США войну на стороне Антанты сыграло решающее значение в разгроме Четверного союза. Так, британские историки Э. Бриггс и П. Клэвин отмечали, что «союзники, испытывавшие, как и центральные державы, растущее давление изнутри, были спасены вступлением в войну США в апреле 1917 г. Соединенные Штаты с их, казалось, безграничными запасами сырья, промышленных товаров, займов и человеческих ресурсов были единственной страной, которая могла положить конец патовой ситуации европейской войны» [2: с. 231].

В этом смысле весьма показательной выглядит и позиция известного американского дипломата и историка Г. Киссинджера, отмечавшего: «Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение трех столетий и ради которого предположительно вступила в войну» [4: с. 196]. В отличие от европейских держав, считал Г. Киссинджер, США «<...> с презрением отвергли концепцию равновесия сил и считали практическое применение принципов “Realpolitik” аморальным» [4: с. 196], противопоставив им

идею мировой безопасности. Однако эта идея безопасности должна была осуществляться в отношении Европы сугубо под американским контролем. Таким образом, дипломатическое маневрирование осуществлявшееся сторонами и начатое европейской дипломатией с конца 1914 года привело в конечном итоге к вступлению США в Первую мировую войну, однако это событие произошло на сугубо американских условиях и именно в тот момент, когда США так остро нуждались в максимальном распространении своего геополитического влияния. 1916 год стал поворотным в дипломатической полемике между руководством США и стран Антанты, предопределив смену американского политического курса от политики изоляционизма к активному вмешательству в европейские и мировые процессы. Этому объективно способствовала и симпатия американского общественного мнения Англии и Франции, что в немалой степени склонило чашу весов на сторону партии войны.

Февральская революция 1917 года в России и последовавшее за ней отречение Николая II также ускорили вступление США в мировую войну, так как открывали американскому политическому руководству поистине невиданные возможности для участия в послевоенном мироустройстве. В конечном счете именно стремление играть определяющую роль в мирном урегулировании конфликта и возможность диктовать условия побежденным сыграли ключевую роль во вступлении США в Первую мировую войну в апреле 1917 года.

Литература

1. Архив полковника Э. Хауза: в 4 т. (1937–1944 гг.). Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. 220 с.
2. Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М.: Весь мир, 2006. 600 с.
3. Гершов З.М. «Нейтралитет» США в годы Первой мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962. 244 с.
4. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
5. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 536 с.
6. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М.: Соцэкгиз, 1934. 678 с.
7. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Международные отношения, 1989. 320 с.
8. Шацлло В.К. Президент Вильсон: от посредничества к войне. 1914–1917 гг. // Новая и Новейшая история. 1993. № 6. С. 69–87.
9. Grey E. Twenty-Five Years. 1892–1916. V. 2. New York: Frederick A. Stokes Company, 1925. 400 p.
10. Link Arthur S. Wilson the Diplomat. St. Baltimore. Baltimore: John Hopkins Press, 1957. 100 p.

Literatura

1. Arxiv polkovnika E'. Hauza: v 4 t. (1937–1944 gg.). T. 1. M.: Soce'kgiz, 1937. 220 s.

2. *Briggs E', Kle'vin P.* Evropa Novogo i Novejshego vremeni. S 1789 goda i do nashix dnei. M.: Ves' mir, 2006. 600 s.
3. *Gershov Z.M.* «Nejtralitet» SShA v gody' Pervoj mirovoj vojny'. M.: Soce'kgiz, 1962. 244 s.
4. *Kissindzher G.* Diplomatija. M.: Ladomir, 1997. 848 s.
5. *Narochniczkaya N.A.* Rossiya i russkie v mirovoj istorii. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2004. 536 s.
6. *Lloid Dzhordzh D.* Voenny'e memuary'. T. 1–2. M.: Soce'kgiz, 1934. 678 s.
7. *Utkin A.I.* Diplomatija Vudro Vil'sona. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1989. 320 s.
8. *Shacillo V.K.* Prezident Vil'son: ot posrednichestva k vojne. 1914–1917 gg. // Novaya i Novejschaya istoriya. 1993. № 6. S. 69–87.
9. *Grey E.* Twenty-Five Years. 1892–1916. V. 2. New York: Frederick A. Stokes Company, 1925. 400 p.
10. *Link Arthur S.* Wilson the Diplomat. St. Baltimore. Baltimore: John Hopkins Press, 1957. 100 p.

S.A. Agureev

The Question of the US Joining the First World War and the Entente

The article is devoted to the aspects of the diplomatic “maneuvering” of the governments of England and France in 1916 on the questions of the US entry into the First World War. The position of the American political circles largely depended on the changing situation on the fronts. The events of 1916 became decisive in determining the position of the United States on entering the First World War on the side of the Entente.

Keywords: diplomacy; the First World War; peace conference; neutrality.